

Ли Кыми

НЕВЕСТА ПО ФОТОГРАФИИ

перевод Анастасии Войцехович

роман

МИО

1917 год, деревня Очжинмаль

— Подыль, дорогуша, видать, в следующем году тебе уж восемнадцать. Мож, тебя отправить невестой в Пхова? — спросила пусанская ачжимэ*. Глаза девушки и ее матери, госпожи Юн, тут же округлились.

Несмотря на то что приятельница госпожи Юн давно жила в Купхо, все ее называли ачжимэ, то есть «тетушка», из Пусана. Она была торговкой и ходила по деревням, предлагая масло из семян камелии, косметику, гребни для волос, зеркала, принадлежности для вышивания и другие женские безделушки. Ачжимэ приходила в дом матери Подыль, когда та еще была ребенком. Раз-два в год ачжимэ навещалась в деревню Очжинмаль и непременно располагалась торговать в доме Подыль, после чего оставалась и на ночь.

Горный хребет Мэбонсан обступил местность тугим кольцом — словно колодец, из крошечной щели которого виднелось лишь небо. В таком пространстве деревушка Очжинмаль, где и пятьдесят домохозяйств не насчитать, казалась еще более уединенной. Чтобы дойти до ближайшего рынка в Чучхоне, нужно было преодолеть целых три горных перевала. Неудивительно, что одно лишь появление

* Ачжимэ — слово в диалекте провинции Кёнсан. Так называют женщин в возрасте, ровесниц матери или старше. *Здесь и далее примечания переводчика.*

пусанской ачжимэ заставляло сердца деревенских девиц биться сильнее. Среди вещиц на продажу они едва могли позволить себе купить мешочки с иголками и спичками, все остальное было заоблачной мечтой, но один лишь взгляд на эти предметы становился усладой для глаз. Для ушей же величайшим наслаждением были новости, которые путешествующая повсюду торговка приносила в деревню из внешнего мира.

Толпа замужних женщин, наводнивших комнату, постепенно разошлась, а младшие братья девушки Квансик и Чхунсик отправились спать в комнату напротив. Расстелив постель, Подыль взглянула мельком на мать, пытаясь угадать, что она думает по поводу внезапных слов ачжимэ о замужестве. «Пхова» — это слово она слышала впервые. Впрочем, как и ее мать.

— Пхова? Энто хоть бы где?

Лицо госпожи Юн выражало одновременно и радость, и страх. Девушка знала причину этого беспокойства. Какой бы хорошей ни была партия, в приданое нужна была хотя бы одна новая циновка, а достать ее было трудно.

Когда восемь лет назад умер отец Подыль, который работал учителем, вместе с гнетущей тишиной семью девушки накрыла темная тень, подобная тем, что даже в ясные дни отбрасывают горы. Когда через два года на тот свет последовал старший сын, эта тень легла и на прежде ясное лицо госпожи Юн.

— Энто далековато. Про Америку слышали?

— Слыхали. Тот белый носач*, пастор церкви Чучхона, ведь американец. То бишь там живут такие, как он? — поинтересовалась госпожа Юн.

* Носачами в Корее называли всех людей с «европейской» внешностью.

В романе «Кровавые слезы»*, который читала Подыль, главный герой тоже отправился в Америку. Такое, конечно же, встречается в книгах, но вот что можно поехать туда в реальной жизни... в это девушка никак не могла поверить.

— Ага. Энто американская земля, но только Пхова — это остров. Деньги там с земли в совок метут. Да что там, говорят, что одёжа и обува там растут как фрукты на деревьях — только хватай, что нравится, и носи. А погода-то кака! Всегда теплейшая весна, так и забудешь, что такое зимняя одежда! — пусанская ачжимэ разгорячилась сильнее, чем когда вела торговлю.

— Энто что, прямо рай на земле? — неожиданно выпалила девушка.

— Самый настоящий! Только окажись там, и удача будет всегда с тобой! Эх, ежели я была лет на десять моложе, напудрилась бы хорошенько и поехала бы невестой туды сама.

От этих слов морщинистой ачжимэ Подыль и госпожа Юн прыснули со смеху. Это разрядило до того серьезную обстановку разговоров о замужестве.

— Ты говорила, тама живут мужчины из Чосона**>? Откуда ты их знаешь? — спросила мама Подыль. Девушку этот вопрос тоже интересовал.

— Лет эдак десять назад чосонские мужчины уехали в Пхова на заработки. Тоды они там встали на ноги и решили подыскать себе невест. Но, как говоритися, ежели вороны ищут пару себе поближе к родной сторонке, так что

* Роман корейского писателя Ли Инчжика, написанный в 1906 году. Действие его происходит в трех странах: Японии, Китае и США — и связано с японо-китайской войной 1894–1895 гг. и социальными изменениями в сознании корейцев: герои несут популярные в то время идеи о независимости, реформах образования и изменениях в институте брака. Произведение стало первым романом «новой прозы». Важная идея его — учеба и образование позволят поднять страну на ноги.

** Чосон — старое название Кореи.

уж гуторить о людях? Один мой родственник из Пусана с мужьей стороны отправил свою дочуру невестой в Пхова. Ехала она туды рыдая, а спустя пяток лет помогла купить семье землю и дом на ней выстроить. И вот, печалась, что ей одной так хорошо живется, девица через брата отправила фото женихов в Чосон. Мол, найти подходящих тут невест. Этот паренек как следует подошел к делу и обратился за помощью ко мне. У меня и фотографии женихов имеются!

Ачжимэ достала фотографию из своего узелка. Подыль тут же засмушалась, словно увидела не картинку, а настоящего мужчину. Зато госпожа Юн не растерялась, взяла фотографию и стала внимательно разглядывать. Девушка тайком следила за лицом матери. Ей было страшно интересно, какой он, этот жених.

— Ну что, сгодится на роль зятя? Неплохой паренек? Хорош собой, да еще и крупный землевладелец! — От этих слов глаза Подыль и госпожи Юн еще больше расширились.

— Землевладелец? Тамошний? В Америке? Японцы отняли у нас всю землю, разве можно теперича разжиться ей в другой стране? — воскликнула госпожа Юн. Собственный клочок земли для жителей Чосона был недостижимой мечтой.

— Тонто же. Кой трудолюбивый, что уехал в другую страну без гроша за пазухой и приобрел землю. Вот коего человека сватаю! А что ты все фотографию держишь? Сама вздумала к нему идти?

— Чушь! — фыркнула госпожа Юн на шутку ачжимэ и быстро сунула фотографию в подол юбки Подыль.

Девушка застенчиво взяла фотографию, но ее взгляд уже был прикован к молодому человеку в европейском костюме. Густые брови, блестящие глаза, прямой нос, крепко сжатые губы — он словно живой смотрел на нее с фотографии,

отчего лицо девушки зарделось. В этот момент сердце Подыль забилося еще сильнее, чем тогда, когда она услышала разговоры о возможном замужестве.

— Сзади имеются имя и возраст.

Девушка перевернула фотографию. Там аккуратным почерком было выведено: «Со Тхэван, 26 лет». Со Тхэван — это имя человека старше ее на девять лет тут же запало ей в душу.

— Двадцать шесть — энтэ молодой. В Пхова многие женихи дюже старше, — сказала ачжимэ, понизив голос, хотя, кроме них, в комнате никого не было.

— Покудова это не вторая женитьба, то девять летов разницей-то не назвать! А где он родился и кто его родители? — поинтересовалась госпожа Юн, словно уже была почти согласна.

Взгляд Подыль был прикован к фотографии. И пусть жених ей понравился, но это же слишком далеко. Даже если дом мужа близко, посещать его родственникам жены один-два раза в год и то сложно, а если уедет она в Пхова, может и не увидеться больше с семьей. Девушка не хотела отправляться так далеко, бросив мать и братьев.

— Он из Ёнгана, провинции Пхёнан. Мать умерла несколько лет назад, а сестры все повыходили замуж и живут в разных концах Чосона, так что они с отцом одни остались. Потому о его семье не волнуйся. А еще ежель ты туды отправишься, то сможешь получить образование!

Подыль обернулась:

— Энтэ, энтэ взаправду?

— Ну конечно! Та девушка, моя родственница, была навсе безграмотной, а поехала туды и теперича письма домой пишет и на ихнем языке лопочет, аки своя.

Подыль представила себя на месте той девушки, о которой говорила ачжимэ, и ее сердце забилося быстрее.